

ПОЛТАВСКІЯ

Епархіальныя Вѣдомости.

ЧАСТЬ НЕОФФИЦІАЛЬНАЯ.

Слово въ день св. Николая.

*Поминайте наставники ваша,
иже глаголаша вамъ слово Божіе,
иже взирающе на скончаніе жи-
тельства, подражайте вѣрѣ ихъ
(Евр. 13. VII).*

Велика слава святителя Николая во всемъ христіанскомъ мірѣ, но наиболѣе чтится память его въ православномъ русскомъ царствѣ. Велика была и вѣра сего угодника Божія въ Господа Іисуса Христа, незабвенны и подвиги благотворенія бѣдствующимъ во время его земной жизни, но несравненно болѣе явлено имъ благодѣяній притекающимъ къ нему съ вѣрою, по святой его кончинѣ, особенно въ отечествѣ нашемъ. Много храмовъ на Руси во имя св. Николая, что свидѣтельствуеть о благодарномъ почитаніи памяти святителя.

Во время земной жизни святителя Николая христіанская вѣра подвергалась великой опасности: пресвитеръ Арій, Александрійской церкви, вопреки ясному ученію слова Божія дерзнулъ открыто отвергать божественность Второго Лица св. Троицы Іисуса Христа, — одинъ изъ важнѣйшихъ догматовъ христіанской вѣры. Ересъ Арія, согласовавшая

съ духомъ того времени, начала быстро распространяться по всему христіанскому востоку, произвела споры и несогласія въ церкви Христовой и была причиною гибели многихъ христіанскихъ душъ. Равноапостольный императоръ Константинъ, для водворенія мира въ церкви Христовой, созвалъ со всей тогдашней вселенной христіанскихъ епископовъ на соборъ, на которомъ ложное ученіе Арія и было неиспровергнуто. Въ числѣ отцевъ этого перваго Вселенскаго собора былъ и святитель Николай, какъ ревностный защитникъ основныхъ истинъ христіанскаго вѣроученія.

Счастливъ былъ святитель Николай, обладавшій среди бури сомнѣній и невѣрія искреннею, разумною вѣрою, свидѣтельствующею о силѣ и величій его духа; счастливъ былъ и своею чрезвычайною сострадательностію къ нуждамъ и горю ближнихъ, свидѣтельствующею о его добромъ сердцѣ, чѣмъ оставилъ и въ насъ благодарную память о себѣ. Но недостаточно, бр., одного воспоминанія о великомъ святителѣ, нужно нѣчто большее.

Св. Церковь, устанавливая празднества въ честь святыхъ, кромѣ ихъ прославленія, имѣетъ цѣлью показать намъ образцы для нашей практической жизни, для нашего нравственнаго совершенства. „Поминайте наставники ваша, иже глаголаша вамъ слово Божіе, иже взирающе на скончаніе жителства, подражайте вѣрѣ ихъ“.

Обращая вниманіе на современное намъ христіанское общество, мы не видимъ, чтобы вопросы вѣры волновали его; истины христіанскаго вѣроученія достаточно разработаны и ясно раскрыты для всякаго вѣрующаго; теперь, по требованію времени, мы заняты иными вопросами о благѣ своемъ, о благѣ общественномъ, о строительствѣ государственномъ. Дай Богъ счастливое разрѣшеніе этимъ вопросамъ, задаваемымъ современной жизни! Временное благополучіе христіанъ составляетъ предметъ всегдашней молитвы церкви. Съ своей стороны она, какъ мудрая мать, готова своимъ дѣтямъ помочь указаніемъ средствъ къ достиженію добрыхъ цѣлей.

Что нужно для нашего прочнаго блага общественнаго? Въ христіанскомъ обществѣ нужны хорошіе христіане, хорошіе люди, хорошіе общественные дѣятели. Быть хорошимъ христіаниномъ значить попреимуществу въ своей жи-

зни слѣдовать и служить началу любви, ибо существо христіанина—любовь. Быть истиннымъ христіаниномъ значить имѣть любовь основаніемъ и руководительнымъ началомъ своей жизни, своихъ убѣжденій и проводить это начало при всякомъ жизненномъ положеніи, во всѣхъ отношеніяхъ къ людямъ высшимъ и низшимъ, товарищамъ и подчиненнымъ, друзьямъ и единоплеменникамъ и къ самимъ врагамъ и чужеплеменникамъ. Быть хорошимъ человѣкомъ—значить искренно и разумно сочувствовать и служить высшимъ и благороднѣйшимъ человѣческимъ интересамъ, уважать въ себѣ и другихъ человѣческое достоинство, дѣятельно заботиться украшать жизнь свою лучшими человѣческими качествами умственными и нравственными и ко всѣмъ другимъ людямъ относиться какъ своимъ братьямъ съ любовію и уваженіемъ къ ихъ человѣческому достоинству. Быть хорошимъ общественнымъ дѣятелемъ—значить исходя на поприще общественной дѣятельности во имя правды и добра, дѣйствовать въ силѣ и духѣ „илинномъ“, не охлаждаться въ усердіи, для достиженія благихъ цѣлей общественныхъ, не ослабѣвать въ дѣятельности, при встрѣчѣ съ возможными препятствіями, не измѣнять постоянству и неустойчивости въ трудѣ. Присутствіе такихъ людей, такихъ характеровъ, такихъ дѣятелей въ христіанскомъ обществѣ несомнѣнно служить залогомъ его силы и процвѣтанія. Но такихъ людей, такихъ христіанъ, такихъ полезныхъ общественныхъ дѣятелей можетъ воспитать только св. церковь. Представляемые ею примѣры дѣятельнаго совершенства изъ жизни Господа Иисуса и святыхъ Ею могутъ воспламенить къ указываемому добру людей, стремящихся къ добру, и возбудить ихъ волю къ возможному его осуществленію. Въ такихъ питомцахъ церкви Христовой залогъ, надежда и ругательство за благо общественное, а въ немъ и свое частное. А какъ въ настоящее смутное время нужны истинные христіане, честные, самоотверженные граждане, когда залитое кровью отечество стонетъ отъ раздирающихъ его внутреннихъ враговъ! Отъ лучшихъ Русскихъ людей несетъ къ намъ зовъ: „Объединяйтесь, Русскіе люди!“ Но около кого намъ объединяться? Кто вѣритъ въ символъ креста, кто вѣритъ въ несокрушимость церкви Православной, которую и силы адскія не одолѣютъ, тѣмъ Русскимъ людямъ она станетъ единственнымъ несокрушимымъ оплотомъ и

убѣжищемъ. Въ тѣсномъ духовномъ общеніи съ ней пусть станетъ каждый изъ насъ подъ ея священнымъ покровомъ. Около нея долженъ объединиться весь Русскій Православный народъ и въ ней черпать тѣ самыя силы, которыя вывели его изъ татарскаго плѣна, избавили отъ польскаго владычества. Лучшими выразителями русскаго Православнаго духа были подвижники, воспитанные вѣрой Христовой: „костями ляжемъ за вѣру Христову, за Русь Православную“ говорили предки наши, созидавшіе и ограждавшіе величіе и мощь нашей родины. Кто же внушилъ, кто воспиталъ и укрѣпилъ въ нихъ эти патріотическія мысли и чувства, которыя оправдывались великими дѣлами славныхъ сыновъ нашей родины? Воспитавшая достойныхъ своихъ дѣтей—церковь Православная.

Пришелъ, бр., часъ и намъ „познать самихъ себя“, насколько каждый изъ насъ сынъ своей церкви, сынъ, а не пасынокъ, своей родины, а затѣмъ отвѣтить по христіански, по православному, честно и правдиво предъ Богомъ и людьми и словомъ и дѣломъ.

Заключимъ нашу бесѣду молитвою къ Богу, чтобы онъ —Милосердный,—по молитвамъ святителя Николая—покровителя земли русской помогъ устроить наше земное гражданство и удостоилъ гражданства небеснаго. Аминь.

Протоирей Константинъ Редзівскій.

Истинная соборность церкви и приходская автономія ¹⁾.

Бывшая предсоборная синодская коммиссія въ сужденіяхъ о церковныхъ реформахъ намѣтила двѣ главныя существенныя задачи: первая шедшая сверху,—соборно-патріаршій вопросъ, а другая, возникшая снизу,—реформа прихода. Разрѣшеніемъ ихъ надѣются освѣтить и очистить состарѣвшееся зданіе нашего церковнаго устройства. Какъ же относиться къ тому и другому? Какія надежды можно связывать съ разрѣшеніемъ оныхъ въ духѣ каноническомъ, съ одной—и современнымъ, съ другой стороны?

¹⁾ Изъ брошюры «Соборное завершеніе и приходская основа церковнаго строя». Д. Х. М. 1906. Духовенству, слишкомъ увлекающемуся церковными реформами, не мѣшаетъ ознакомиться съ мыслями этой брошюры свѣтскаго человѣка.

Точка отправленія для желанія возсоздать соборное управленіе находится какъ въ исторіи церкви, начинающейса почти что съ т. н. Іерусалимскаго собора апостоловъ, такъ въ канонахъ, требующихъ періодическаго созыва соборовъ, и, и, наконецъ, въ самомъ символѣ, называющемъ церковь соборной. Хотя послѣднее слово и есть переводъ слова „каолическій“, но тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, что подобранное славянскими переводчиками слово находится въ связи съ идеей собора, какъ выраженія церковнаго единенія. Такимъ образомъ, идея соборности, дѣйствительно, такъ присуща обществу, основанному на началѣ единенія, по возможности полного, что, кажется, нечего бы и толковать о необходимости возстановленія того, что въ сущности не могло никогда бездѣйствовать, если только соборная церковь, дѣйствительно, не переставала существовать сама, а это, конечно, не допустимо. Мы думаемъ, что, дѣйствительно, если бы соборности не было въ церкви, то и ея бы самой не было. Были ли однако соборы за послѣднія 200 лѣтъ въ Россіи, да и на Востокѣ такъ ли они дѣйствуютъ, какъ того требуютъ апостольскія правила и истекающія изъ нихъ, или по крайней мѣрѣ сродственныя имъ, постановленія соборовъ Никейскаго и иныхъ? Кажется, на этотъ вопросъ отвѣтъ одинъ отрицательный. Значить, въ церкви пересталъ функціонировать органъ, почти что абсолютно жизненный, а все-таки церковь существуетъ и дѣйствительна! Если скажутъ, что, де, при патріархахъ существуютъ соборы даже постоянные, что Греческій и Румынскій синоды, да пожалуй и нашъ — соборныя учрежденія, что даже въ Австріи при Карловицкомъ митрополитѣ собираются соборы, то всякій же признаетъ, что эти учрежденія очень далеки отъ того, что требуется канонами, и что въ сущности формальное соборное управленіе церковью давно не существуетъ, даже у римскихъ католиковъ, которые во многомъ очень крѣпко держатся канонѣвъ, подчасъ больше, чѣмъ мы. Введя въ свой церковный строй большое, основное извращеніе церковнаго начала, во образѣ папства, Римская церковь, наоборотъ, твердо сохраняетъ то, что не въ ущербъ папству освящено преданіемъ и канонами; а однако и у нихъ соборованіе почти что отошло въ область преданій, если не принимать въ расчетъ тѣхъ исключительныхъ собраній епископовъ въ Римѣ, ко-

торыя считаются у нихъ вселенскими соборами. И такъ, настоящее соборное управленіе, которое особенно устойчиво функционировало съ 4 вѣка до 11—12-го, за какое время насчитываютъ нѣкоторые болѣе 1000 соборовъ, постепенно слабѣть въ позднѣйшіе вѣка; но въ этомъ отношеніи вѣка доконстантиновскіе представляютъ явленіе почти подобное. Обычай ежегодныхъ соборовъ, по апост. правиламъ, былъ вовсе не всеобщій, и нѣкоторые даже думаютъ, что правило, занесенное въ апостольскія правила, имѣеть происхожденіе мѣстное, именно сирійское. Такъ, въ Италіи частые, срочные соборы были мало въ ходу, равно какъ въ Египтѣ, и тѣмъ не менѣе эти церкви были строго православны и процвѣтали. По если формально внѣшнее „соборованіе“ было не вездѣ одинаково развито, то это вовсе не доказываетъ, что духъ апостольскаго строя былъ менѣе живъ въ одной церкви, чѣмъ въ другой. Суть соборнаго начала состоитъ вовсе не въ обычаѣ совмѣстнаго сидѣнія по дѣламъ догматическимъ или дисциплинарнымъ однихъ епископовъ, епископовъ-ли съ пресвитерами и мірянами, а „въ духѣ соборности“, т. е. потребности постоянного единенія во всемъ, касающемся церковной жизни, между членами церкви и частными церквами, однѣхъ съ другими.

Приходить на память по этому поводу одна глава въ книгѣ проф. Ешевскаго. „Аполлинарій Сидоній“, въ которой онъ, рассказывая о положеніи церкви въ Галліи въ V вѣкѣ, между прочимъ, говоритъ, что въ это время церковная жизнь была такъ тѣсно объединена живымъ интересомъ церковности, что мельчайшія церковныя дѣла на Западѣ живо обсуждались на Востокѣ, и обратно. Не есть ли это истинная соборность, которая составляетъ суть церковной жизни? Иными словами: не есть ли „соборность“ — взаимная, выражаемая видимо, любовь, выражаемая разными средствами и пріемами, и между прочимъ, и путемъ совмѣстнаго совѣщанія по дѣламъ епископовъ ли однихъ, епископовъ ли съ пресвитерами и мірянами, всегда стремящаяся къ одному: къ единству, къ „единству любви въ союзѣ мира“? Такой взглядъ на соборы, какъ на выразителей „духа соборнаго“, составляющаго суть церковнаго строя, а не какъ на „учрежденіе“, имѣющее „абсолютную о себѣ“ цѣну, и тѣмъ большую, поскольку оно лучше орга-

низовано, находить себѣ подтвержденіе въ древнемъ строѣ той-же нашей до-петровской Руси. Нельзя не признать, что постоянное церковное управление въ ней было не то, что принято называть въ точномъ смыслѣ *соборное*, но оно было и вполне соборнымъ по духу его. Соборность въ ней была живая, не „ограничившаяся“ іерархическимъ соборваніемъ, проводившая начало „общенія“ до возможныхъ предѣловъ во всѣхъ церковныхъ дѣлахъ, большихъ и малыхъ. Петръ, передѣлывая церковное управление по своему, не отмѣнялъ соборнаго порядка управленія, а только ввелъ ложную соборную форму вмѣсто прежней живой, но почти безформенной соборности; и съ его легкой руки именно формально-соборная церковная власть, постепенно вытравила изъ обихода живую соборность, даже до самыхъ ея основъ видимыхъ (ибо соборность внутреннюю уничтожить нельзя, она-то и спасаетъ), такъ что теперь почти не осталось о ней понятія. О соборности, какъ учрежденіи, какъ церковной высшей власти, теперь горячо и сильно хлопчуть; а о возстановленіи соборнаго духа, долженствующаго идти снизу вверхъ и тамъ завершаться въ соборѣ видимомъ, и помину нѣтъ. Если бы потребность такой соборности была жива или ожила подъ вліяніемъ „вѣяній 1905 года“, то она бы и проявилась прежде всего въ жизни епархіальной; но, хотя мы и читаемъ о „соборикахъ“ помѣстныхъ, эти самыя совѣщанія показали, яснѣе всего отсутствіе „духа“. Идутъ разговоры почти исключительно о формахъ и реформахъ, в почти вездѣ эти разговоры завершаются голосованіями, т. е. рѣшеніемъ по счету голосовъ, иначе,—тѣмъ порядкомъ, который даже государь Николай Павловичъ считалъ возмутительнымъ въ церковныхъ вопросахъ (ср. Ист. об.-прокуроровъ, г. Благовидова)¹⁾. Сколько времени, какъ въ каждой епархіи существуютъ сѣзды духовенства по дѣламъ хозяйственнымъ, и никогда на этихъ сѣздахъ (кажется) не подымались вопросы объ общецерковныхъ духовныхъ интересахъ! Да и никогда, кажется, сами архіереи не присутствовали на сѣздахъ, а только утверждали или не утверждали мнѣнія таковыхъ. Тоже являетъ и само духовенство: чувствовало ли оно потребность частно сообщаться для разговоровъ о пастьр-

¹⁾ Дѣло о разводѣ ген. Клейнмихеля.

скихъ обязанностяхъ ¹⁾ своихъ? А съ прихожанами соборовать никогда священникамъ и въ голову не приходило. При такомъ совершенномъ оскудѣннн духа общенія, который и есть основа всякой соборности, возможно ли возстановить истинно-соборное начало, а не только одно формальное соборованіе, канонически аккуратное? Тотъ характеръ, который приняли пренія о соборахъ, или соборѣ, заставляеть думать, что дѣйствительно хотять воскресить лишь институтъ, конечно, очень почтенный, безусловно необходимый для правильнаго теченія церковной жизни, если онъ ее собою выражаетъ, а о томъ, что онъ долженъ быть „по существу“—забываютъ.

Въ соборѣ видять, кажется, почти исключительно—„высшій трибуналъ“; а не цѣненъ ли онъ, только какъ выраженіе „духа единенія“, „духа соборности“, который самъ по себѣ основа церковной жизни, принимающей формы всяческія, и въ томъ числѣ видимую форму „собранія“? Если бы на соборѣ смотрѣть съ широкой, чисто церковной точки зрѣнія, то, кажется, не могли бы получить такую острую форму споры о составѣ собора: изъ однихъ ли епископовъ ему состоять или изъ епископовъ съ пресвитерами и мірянами?—и съ вѣчными возвращеніями къ примѣру собора апостольскаго. Вѣдь если все дѣло церковное основано на единеніи, то ясно, что отъ церковнаго дѣла никто изъ членовъ церкви не можетъ быть устраненъ; а если этотъ принципъ принять, то изъ него вытекаетъ, какъ послѣдствіе, что всякій членъ церкви всегда можетъ соглашаться или не соглашаться на любое постановленіе, сдѣланное соборомъ „въ любомъ составѣ“. Если такъ, то соглашаюсь ли я на постановленіе, сидя за однимъ столомъ съ епископами, или не сидя съ ними, или я при тѣхъ же условіяхъ не соглашаюсь, могу голосъ свой подать и во время засѣданій, и послѣ,—то не второстепенное ли дѣло о томъ, изъ кого состоитъ соборъ? Важно, чтобы на соборѣ, „изъ кого бы онъ ни состоялъ“ ²⁾, не рѣшали дѣла, какъ это дѣлается въ гражданскихъ учрежденіяхъ, обладающихъ принудительной властью, большинствомъ, а чтобы

¹⁾ Воспоминается выраженіе, митр. Моск. Иннокентія: наше духовенство ушло въ жречество, забывъ о паствуствѣ.

²⁾ Конечно, не безъ епископовъ—носителей полноты даровъ церковныхъ.

все творилось, „изволившу Св. Духу“; а Св. Духъ есть „духъ единенія“, а не разногласія. И если бы положенья былъ этотъ взглядъ въ основу вопроса о соборѣ у насъ, то, вѣроятно, не только все дѣло бы упростилось, но взглядъ на этотъ вопросъ далъ бы и всѣмъ остальнымъ характеръ иной, болѣе церковный, менѣе формальный, чѣмъ какой принимаетъ теперь дѣло церковнаго обновленія. Идетъ оживленный споръ о правѣ іереевъ и мірянъ участвовать на соборахъ, то съ рѣшающимъ, то съ совѣщательнымъ голосомъ. Да отчего бы мірянамъ не участвовать на соборѣ, не только потому, что они участвовали на Иерусалимскомъ соборѣ, но и потому, что церковь есть сама всемірный соборъ, который потому лишь не засѣдаетъ формально и постоянно, что этого сдѣлать фактически нельзя? Но если міряне не илоты въ вѣрѣ, то ясно, что они же и участники въ рѣшеніи церковныхъ дѣлъ, съ той лишь отъ іерарховъ отличкой, что іерархи призваны къ этому „по долгу служенія“, а міряне этой обязанности могутъ и не нести; это то же, что вопросъ объ учительствѣ и проповѣди, да даже и о совершеніи таинствъ. Если мірянинъ можетъ „по нуждѣ“ крестить и не лишень права проповѣдывать, то его отличіе отъ клира только въ томъ, что онъ не „спеціально“ къ этому призванъ, не онъ—оффиціальныи органъ церкви ¹⁾, тогда какъ клиръ призванъ и получилъ для исполненія сего особую благодать, которой не вовсе не лишены и міряне. Участіе мірянъ въ соборахъ не есть, слѣдовательно, принципиальный вопросъ, а только вопросъ „большаго или меньшаго удобства“; вопросъ основной—это тотъ, какъ рѣшаются церковныя дѣла: единодушіемъ или большинствомъ? Если единомысліемъ, т. е. если тогда только считаются принятыми рѣшенія, когда достигнуто единеніе, то присутствіе или неприсутствіе мірянъ, съ голосомъ рѣшающимъ или совѣщательнымъ, совсѣмъ не важно, ибо почти навѣрное можно сказать, что единогласіе іерархіи будетъ встрѣчено полнымъ (или большимъ) довѣріемъ всего тѣла церковнаго. Но если поставить соборное дѣланіе на почву „урнъ и шаровъ“, тогда,

¹⁾ Римскіе католики, во избѣжаніе неудобныхъ для исключительности клира толкованій права мірянъ крестить за неимѣніемъ наличнаго іерея, предпочли настолько выдѣлить таинство крещенія изъ ряда другихъ таинствъ, что распространили право крестить и на язычниковъ.

конечно, вопросъ дѣлается острымъ, и міряне будутъ настаивать на формальномъ участіи въ соборованіи. Что теперь такъ горячо именно объ этомъ и толкуютъ, — это самое служатъ печальнымъ признакомъ отсутвія въ «оффиціальной» церкви соборнаго духа, а безъ этого, конечно, форма соборности ничему не принесетъ пользы, а еще болѣе дѣлу навредитъ, внеся въ церковную жизнь „лжеподобіе“ чего-то очень почтеннаго и почти священнаго, въ своемъ истинномъ видѣ, и непочтеннаго и тѣмъ менѣе священнаго, въ искаженномъ. И чѣмъ болѣе въ соборность эту будетъ внесено выработки и утонченности технической, тѣмъ будетъ хуже. Безъ патріарха, избраннаго соборомъ, можно обойтись; но горе, если у насъ заведутся патріархи, избранные большинствомъ. Да и отъ всяческихъ рѣшеній соборовъ, вышедшихъ не изъ объединенія о Духѣ, а изъ баллотировочнаго ящика, хотя бы и окропленнаго уссопомъ, и отъ нихъ храни насъ Промыслъ!

Такимъ образомъ, мы приходимъ къ заключенію, что основа соборности, этого столь вожелѣннаго вида проявленія церковной жизни и церковнаго самосознанія, направленнаго на благоустроеніе жизни церкви въ ея видимой части, должна быть искама не въ законоположеніяхъ о такомъ или иномъ созывѣ такъ или иначе организованныхъ соборовъ, а въ обнаруженіи духа единенія, во имя церковныхъ интересовъ, въ самомъ народѣ церковномъ, въ которомъ живъ, конечно, но живъ прикровенно этотъ духъ единенія, только направленный болѣе на мистическія, чѣмъ на бытовыя, церковныя дѣла. Церковь мистическая дѣйствуетъ всегда соборне, въ высшемъ смыслѣ этого слова; но, конечно, желательно, чтобы эта высшая соборность примѣнялась бы и къ потребностямъ церкви видимой въ ея земномъ проявленіи. Начало этому, конечно, надо полагать въ самой народно-церковной жизни и, восходя отъ нея, доходить до соборности всецерковной. Вѣроятно это чувство, очень важное само по себѣ, и навело въ 70-хъ годахъ (особенно горячо выступилъ Д. О. Самаринъ) многихъ лучшихъ людей изъ мірянъ на мысли о томъ, что вся церковная перестройка должна начаться съ прихода: это, де, ячейка всего церковнаго организма. Теперь же эту мысль выдвинули впередъ и поставили на одну доску съ вопросомъ о соборахъ представители, если можно такъ выразиться, церков-

ной демократичности. Такъ или иначе, разсуждаютъ многіе, но соборъ, въ которомъ все-таки „главное“ мѣсто принадлежать будетъ іерархіи, отдаетъ немного аристократическимъ началомъ. Чисто демократическій элементъ въ церкви долженъ имѣть свой центръ, свою точку опоры. Она найдена, это — приходъ! Къ вопросу о немъ и перейдемъ теперь.

Весь нижній устой церкви, по ученію сторонниковъ приходской автономіи, долженъ заключаться въ приходскихъ единицахъ, снабженныхъ правами широкаго самоуправленія, какъ по духовной части, такъ и по имущественной, доводимыми нѣкоторыми до права самообложенія (ср. протоколы епархіального Рижскаго съѣзда). Дальше, пока, идти трудно. Конечно, между сторонниками приходскаго переустройства есть много градацій пониманія, но всѣхъ этихъ оттѣнковъ не перечтешь; сходятся же всѣ на правѣ прихода избирать священниковъ, конечно, не безъ высшаго контроля епископа, утверждающаго или не утверждающаго выборы, но съ возможнымъ органиченіемъ „іерархическаго произвола“, и особенно, на признаніи за приходомъ правъ юридическаго лица, со всѣми имущественными правами и съ обращеніемъ храма, какъ недвижимости, въ собственность прихода, имѣющаго вѣдать свои интересы и духовные и матеріальные порядкомъ коллегіальнымъ, въ которомъ пресвитерство сводится на нѣчто очень несходное съ точнымъ смысломъ его исконнаго наименованія, а слѣд., и его изначальнаго призванія. Въ этомъ отношеніи, впрочемъ, сама наша духовная власть создала, сознательно или несознательно, прецедентъ въ положеніи о церковныхъ попечительствахъ, въ которыхъ настоятелю церкви отводится роль очень второстепенная. Правда, что церковныя попечительства были созданы именно для того, чтобы отклонить заявленія о необходимости приходской автономіи, посредствомъ учрежденія не то церковнаго, не то свѣтскаго (обязательное участіе волостнаго старшины) — чего-то, такого, что есть и не совершенный отказъ отъ допущенія прихожанъ къ участію въ церковныхъ дѣлахъ, и вмѣстѣ совершенное по существу устраненіе отъ того, что составляло предметъ вождельній.

Основной вопросъ составляетъ и здѣсь, какъ и въ вопросѣ о соборѣ (что есть соборность?): что собственно дол-

жно почитаться ячейкой всего церковнаго зданія? Конечно отвѣчаютъ многіе,—приходь! и этотъ отвѣтъ повторяется какъ эхо, безъ того, чтобы кто либо (сколько намъ извѣстно) его разобралъ принципиально. На чемъ такое утвержденіе основано? Одно несмѣнно—это то, что истори церкви этого взгляда не подтверждаетъ. Самыя первыя мѣстныя группы христіанскія, какія намъ извѣстны оформленными, ибо мы въ сущности не знаемъ, какъ были организованы христіанскія общины самыхъ первыхъ временъ внутри себя, являются апокалипсическія 7 церквей съ ангелами—епископами во главѣ. За симъ мы знаемъ, что первоначально пресвитеры были лица, группировавшіяся вѣкругъ епископа, и составляли отчасти то, что сохранилось доселѣ на Западѣ, въ видѣ капитуловъ соборныхъ и иныхъ. Такъ называемыя „домашнія церкви“, конечно, ничего общаго съ приходомъ не имѣли и, конечно, не послужили основной для приходской организаціи. Кажется, что приходы прежде всего начали образовываться въ нашемъ, настоящемъ смыслѣ въ Римѣ; но все-таки выдѣленіе ихъ въ самостоятельныя общины едва ли было сколько нибудь древнее, и тамъ хозяйничалъ въ экономическомъ отношеніи все таки епископъ, и во время гоненій, да и послѣ, когда имущество Римской церкви достигло такихъ громадныхъ размѣровъ, какъ, напр., при Григоріи Великомъ. Такимъ образомъ, приходская организація едва ли когда нибудь составляла живую ячейку; и это по той простой причинѣ, что въ церкви органическая ячейка должна быть, какъ во всемъ живомъ, одарена всѣми элементами завершенности въ себѣ самой. Такая завершенность предполагается только въ такой единицѣ, которая есть, такъ сказать, микрокосмъ; отъ соединенія микрокосмовъ получается макрокосмъ (вселенная). Такая единица безъ полноправнаго завершителя, епископа, не мыслима. Первоначально даже церковныя таинства совершались епископами, и только по его уполномочію пресвитерами. Такимъ образомъ идею ячейки разрѣшаетъ не приходъ съ іереями во главѣ: это явленіе не исконное, и во всякомъ случаѣ никогда приходы не претендовали на иное что либо, какъ только на удовлетвореніе практическихъ потребностей богослуженія и той группировки, которая вызывалась и вызывается условіями обитанія совмѣстнаго. Въ церквахъ еписко-

альныхъ мы нигдѣ не видимъ такого развитія приходской жизни, о которой у насъ мечтаютъ тѣ, которые хотятъ на ней основать всю силу церковной жизни; и вездѣ почти она ограничивается общеніемъ въ молитвѣ (наивысшая форма общенія впрочемъ) и такими благотворительными организаціями, которыя, такъ сказать, истекаютъ изъ потребностей практическихъ, естественно группирующихся около центра, образовавшагося путемъ жизненно-императивнымъ. Если скажутъ, что въ странахъ, какъ Швеція, Финляндія, Шотландія, вся церковная жизнь совершается въ приходѣ, — то это именно оттого происходитъ, что это церкви пресвитеріанскія, несмотря на сохраненіе въ нихъ иногда самого званія епископа, но безъ признанія его настоящаго смысла. Даже въ Англиканской церкви приходская жизнь вовсе не особенно кипучая, и въ сущности бываетъ оживляема лишь присутствіемъ пастора, умѣющаго подогрѣвать своихъ прихожанъ краснорѣчіемъ или добродѣтелью. У католиковъ, можно смѣло сказать, приходская организація самая не живая. Если у нихъ и играетъ огромную роль приходское духовенство, то именно у нихъ-то оно всецѣло служитъ идеѣ объ-единенія общеклерикальнаго, а вовсе не способствуетъ тому, что-бы приходъ получалъ сколько бы то ни было характеръ церковной независимой ячейки.

Намъ думается, что для вѣрнаго принципіальнаго опредѣленія значенія прихода, недостаточно смотрѣть на него съ точки зрѣнія такъ или иначе понятаго практицизма, т. е. опредѣлять его возможную, полезную самостоятельность по умозрительнымъ соображеніямъ; надо сначала выяснить себѣ его мѣсто въ церковной жизни; съ точки зрѣнія пониманія самой идеи церкви: тогда можно будетъ точно сказать, какую роль онъ можетъ играть въ церковной жизни, не рискуя сойти на нѣтъ съ одной стороны, или развиться до роли, допустимой лишь, напр., въ пресвитеріанской организаціи. Прежде всего надо поставить вопросъ: есть ли приходъ явленіе положительнонаго характера, связанное съ идеей церкви, въ ея основѣ, или наоборотъ, явленіе т. ск. отрицательное, вносящее въ идею церковности идеальной ноту земнаго несовершенства. Такъ какъ приходъ, какъ историческій фактъ, не возводится до первоначальныхъ страницъ церковной исторіи, чѣмъ онъ, какъ явленіе, совер-

шенно отличенъ отъ его теперешняго оффиціального самодруга—собора, то мы можемъ смѣло сказать, что онъ явленіе просто бытовое, пстекающее изъ условий человѣческаго обихода, не допускающаго фформальнаго, видимаго объединенія всѣхъ во внѣшней жизни. Онъ именно есть видимое выраженіе ффактической невозможности фформальнаго соборованія всей церкви, какъ бы отвлеченно этого ни желать: всѣ „единомысленные о Христѣ“ не могутъ быть объединены ффактически, какъ одну минуту объ этомъ мечтали первые іерусалимскіе христіане, учредившіе у себя даже общность имущества. Жизнь налагаетъ невольную необходимость образованія группъ; но это образованіе отдѣльныхъ группъ есть именно явленіе земнаго несовершенства и можетъ быть „лишь терпимо“, поскольку оно можетъ идти рука объ руку съ основной идеей единства, а не обращено въ начало *о себѣ довольствующее*, въ нѣчто *о себѣ желательное*. Въ сущности, въ церкви все, что не безусловно согласно съ идеей единства, даже внѣшняго, есть только земной минусъ, вносимый въ высшую основную идею—христіанскаго единства; идеаль церковный—это „единостадо и единъ пастырь“; и поэтому, до нѣкоторой степени папизмъ стоитъ на почвѣ правильной: въ этомъ его и сила, и если онъ доходитъ въ своемъ проявленіи до квази-кошунства, то это лишь потому, что онъ самъ плодъ, такъ сказать, матеріализаціи духа, стремленія осуществить на дѣлѣ на землѣ то, что можетъ быть осуществлено лишь тогда человѣкъ отрѣшится, а пока только насколько онъ отрѣшается, отъ узъ плоти. Но „въ идеѣ“ эта усиленная потребность единенія, конечно, менѣе противна идеѣ христіанскаго строя, чѣмъ таковая же возможнаго обиндвидуаленія каждой группы вѣрующихъ, сходящихся лишь по земнымъ случайностямъ, въ извѣстномъ пунктѣ—храмѣ. Поскольку еще идея жива, что этотъ храмъ есть принадлежность всей церкви и ее выражаетъ, а не есть собственность этой случайной группы собирающихся въ ней молиться людей, что въ этомъ храмѣ, симболизирующемъ именно идею всецерковности, всѣ равны, прихожане и неприсхожане, постольку приходскій храмъ, съ его бытовымъ приходомъ, не нарушаетъ высшей идеи. И дѣйствительно, не такъ ли смотреть на этотъ вопросъ любой вѣрующей „протестецъ“? Когда онъ несетъ свою лепту въ церковь, онъ

именно несетъ ее „въ церковь“, а не въ кассу спеціально того или другого храма. Что это такъ, тому доказательство то, что громадное большинство опускаетъ свою лепту совершенно безразлично, въ какую бы церковь онъ ни попалъ онъ жертвуетъ на „церковь“, и въ каждой церкви онъ себя считаетъ такимъ же прихожаниномъ, пока онъ въ ней молится, какъ и такъ называемый форменный прихожанинъ „en titre“. Церковь т. сказ. терпитъ приходъ, а не возводитъ его въ нѣчто „о себѣ цѣнное“. И, конечно, разъ церковь земная живетъ въ условіяхъ пространства и времени, она и считается съ этими условіями, давая имъ то значеніе, которое они играютъ въ нашей жизни, какъ нѣчто не избѣжное, „но не больше“. Параллель довольно точную—для уразумѣнія отношенія церкви къ неизбежному группированію вѣрующихъ по приходамъ мы можемъ найти въ отношеніи церкви къ семейному началу. Апостоль говоритъ, что кто не заботится о близкихъ, тотъ заслуживаетъ порицанія; Христосъ и церковь благословляютъ бракъ, и тѣмъ, конечно, утверждаютъ и послѣдствіе его—семью; но рядомъ съ этимъ, христіанство всячески тщится ввести семейную жизнь въ возможно скромные предѣлы, постоянно напоминая, что она должна уступать первенствующее мѣсто, занимаемое ею дотолѣ въ языческомъ мірѣ, высшему началу единенія о Христѣ,—единенію, передъ которымъ семейное начало должно сходить на второй дальній планъ! „Не называйте никого отцомъ!“ „Кто мать Моя и братія?“ И далѣе, во всей исторіи христіанства, вы постоянно видите, какъ мало мѣста отводится, такъ сказать, апологіи семейности. Семья есть явленіе, истекающее изъ условій земной жизни и потому настолько естественно императивно, что ее не поощряютъ, а умѣрять нужно, съ тѣхъ поръ, какъ у человѣчества родилось представленіе о высшемъ единствѣ всѣхъ, въ Богѣ и Христѣ. Тоже и въ дѣлѣ образованія естественныхъ бытовыхъ группъ въ церкви. Не поощряютъ ихъ дальнѣйшую наклонность, присущую всякой естественной группѣ, къ большому и большому обособленію, а наоборотъ, напоминаютъ постоянно, что онѣ лишь явленія физически неизбежныя и существующія, такъ сказать, въ ущербъ высшей идеи единства: вотъ что по отношенію къ попыткамъ ультра-приходофиловъ должна говорить церковь, указывая при этомъ на то, что хотя нѣко-

торые и находятъ, что приходская дѣятельность, почти исчерпывающаяся единеніемъ въ молитвѣ, не полна и, такъ сказать, только въ зародышѣ, но что это есть совершенное недоразумѣніе; ибо, по ученію евангельскому, нѣтъ ничего выше единенія молитвеннаго: „идѣ двое или трое собраны во имя Мое, тамъ Я посреди ихъ (Мѡ. XVIII. 20). „Что попросятъ у Бога совмѣстно, то будетъ дано“. Чего искать и желать большаго? Приходскій храмъ и естественное приходское единеніе даютъ возможность осуществить то высшее, къ чему только можетъ стремиться христіанинъ, и поэтому высшая задача приходской совмѣстной жизни подъ руководствомъ добраго пастыря, должна быть именно эта: „возможное взаимное молитвенное возгрѣваніе другъ друга; и на этой почвѣ, конечно, приходъ не рискуетъ обострить въ себѣ тотъ индивидуалистическій зародышъ, „который такъ опасенъ“ въ отдѣльныхъ лицахъ и въ обществахъ, которыя не „подчиняютъ его постоянно высшему началу единства. Сама жизнь отвѣчаетъ, впрочемъ, на это въ смыслѣ, согласномъ съ проводимымъ нами взглядомъ. Тамъ, гдѣ приходы православные окружены иновѣрцами, тамъ объединеніе или индивидуализація приходская не только законна, но и осуществляется болѣе или менѣе сама по себѣ; тоже и въ странахъ мало населенныхъ, имѣющихъ мало центровъ единенія для жизни специально-гражданской, какова была, вѣроятно, до-петровская Русь. Тамъ единеніе вокругъ храма, такъ сказать, утилизировалось для единенія обще-гражданскаго. Когда же этихъ условій нѣтъ, то жизнь прихода *вездѣ*, а не у насъ только, сходитъ понемногу на общеніе въ храмѣ и единеніе въ молитвѣ. Нѣкоторые говорятъ: приходская жизнь оскудѣла! А по другому возможному мнѣнію: нѣтъ, она вошла въ свои нормальныя границы; что, конечно, вовсе не исключаетъ возможности кое-гдѣ, но вовсе не всегда и не вездѣ, нѣкоторыхъ функций, напр., благотворительности, обученія и др., которыя могутъ почитаться практическими результатами молитвы истинной, но вовсе не должны почитаться обязательными послѣдствіями топографическаго пріуроченія къ центру, въ которомъ возносилась эта живая, совмѣстная молитва. Приходъ, по нашему мнѣнію, долженъ быть средоточіемъ именно молитвенной жизни церкви, въ отличіе отъ той „всесторонне объединяющей единицы“, во главѣ которой по-

ставлено лицо, снабженное дарами благодати „нашии церковь“ во всѣхъ ея проявленіяхъ земныхъ—отъ помѣстной церкви. Епископу, именно, даны дары благодати, чтобы „пасти“, такъ какъ безъ такого вожатаго церковь земная можетъ сбиться съ пути. Пастырю приходскому этихъ даровъ не дано, и его единственное дѣло состоитъ въ томъ, чтобы молитвенно объединять и по возможности назидать собственной жизнью группирующихся около него вѣрующихъ. Всякая же попытка формально организовать эту молитвенную единицу можетъ лишь ввести въ нее и въ самую церковь такія начала единенія—не органическаго и не молитвеннаго, которымъ противодействовать въ мѣстной церкви дано „благодатью управленія“ епископу, но не дано іерею, и которыя, какъ показываютъ попытки формулированія приходскаго строя, лишь угрожаютъ, подъ самыми прекрасными предлогами, обратить приходъ въ нѣчто, не только не имѣющее утвердить, а могущее только расшатать истинную церковную жизнь. Если приходъ поддастся приманкамъ „отвѣчать собственными силами на всѣ запросы жизни“, то можно опасаться, что подъ покровомъ именно необходимой для сего регламентаціи онъ сдѣлается чѣмъ-то, сначала полу-церковнымъ, а, чего добраго, подъ конецъ весьма „самочпнымъ“. Приходъ, думаемъ мы, есть та бытовая, естественная почва, на которой должны себя совместно проявлять чисто духовные и, особенно, естественно-общественные запросы вѣрующихъ, съ одной—и учительско-пастырская дѣятельность пастырей съ другой стороны, т. е. то, что составляетъ самую существенную часть истинно церковной жизни. И въ этомъ отношеніи приходъ можетъ и долженъ почитаться „основной общецерковной молитвенной организаціей“. Церковь, объединяющаяся изъ приходовъ, гдѣ тепло и усердно молятся, и гдѣ пастыри словомъ и дѣломъ насаждаютъ слово Божье—такая церковь будетъ сама и жива, и цвѣтуща, и духовно къ тому же свободна, ибо гдѣ духъ Христовъ, тамъ свобода (но не обратно). Простой народъ это живо понимаетъ, и потому всѣ свои надежды обращаетъ именно на то, чтобы сознаваемая имъ въ себѣ духовная немощь находила восполненіе въ благихъ пастыряхъ, и больше сего никакихъ реформъ не ищетъ и, думаемъ, въ реформы формъ не вѣрить.

На примѣрѣ о. Иоанна Кронштадскаго мы видимъ, чего именно желаетъ народъ православный для своего церковнаго устроенія и въ чемъ полагаетъ найти искони имъ желаемое духовное основаніе церковной жизни. Въ этомъ, какъ и во многомъ другомъ, простецы являютъ себя болѣе чуткими къ истинному пониманію того, что „на потребу“, чѣмъ тѣ, которые себя почитаютъ (и, конечно, въ нѣкоторомъ смыслѣ основательно) „мудрыми и разумными“.

(Костромск. Еп. В.).

Впечатлѣнія послѣ прочтенія „Замѣтки“ въ Епарх. Бѣд. № 13-й.

Неужели инициалы автора „Замѣтки“ говорятъ, что написана она священникомъ? Развѣ можетъ священникъ такъ зло смѣяться и—надъ кѣмъ? Надъ подобными себѣ... Вѣдь благочинные не съ неба падаютъ и не изъ подъ земли являютъ, не вчера или сегодня они появились,—древняя Россія ихъ знала. Не будетъ неправдою, если скажемъ, что благочинные лучшіе изъ среды священниковъ. Если же между ними окажется недобрый человѣкъ, послѣднее обстоятельство никакого не даетъ права чернить всѣхъ остальныхъ.

Ну и время мы переживаемъ! Говорятъ, теперь производится переоцѣнка цѣнностей,—только больно уже несправедливая. Старое, имѣющее за собою чуть не тысячелѣтній опытъ, отвергается, а новое, да зеленое, подъ которымъ не разберешь, ноги или ходули стоятъ,—это дорого цѣнится. Старое голову наклонило и съ покорностью ждетъ, не скажутъ ли, что старый другъ лучше новыхъ двухъ, но не тутъ то было: новое, заручившись сочувствіемъ молодого поколѣнія, съ дерзостью кричитъ: кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ. Читая „Замѣтку“, видишь въ лицѣ благочинныхъ что-то страшное, не знающее ни жалости, ни справедливости,—они знаютъ одно: дѣлать письменные и устные доносы, дѣлать придирки по службѣ и проч., и только блаженное 15-е Февраля освободило отъ сего непомярнаго гнета. Что же это такое? Псаломщики жалуются на священниковъ, священники и псаломщики на благочинныхъ. Прости, Господи! Втуне говорилъ Ты на прощаль-

ной бесѣдѣ: „да любите другъ друга“, напрасно предостерегалъ, что, если соль обуюетъ, чѣмъ осолится? Мы стоящіе на свѣщницѣ, что—бы учить вѣрѣ и любви другихъ, выходить, яко звѣри являемся по отношенію другъ къ другу. И можно ли ожидать примиренія среди свѣтскихъ людей, если духовные такъ враждуютъ? Или среди духовныхъ перевелись такіе, что и обиду, если она была, стерпятъ, съ оскорбившими помиряются и съ хотящимъ идти одинъ—два поприща пройдутъ. Неужели животная борьба обуюла духовныхъ? но звѣри погрызутся, а затѣмъ мирно себѣ поживаютъ, другъ къ другу ласкаются, другъ друга поддерживаютъ. А мы?! Нѣтъ, невозможно согласиться съ авторомъ „Замѣтки“. Въ ней авторъ, видно, хотѣлъ яркими красками изобразить, до какой степени могутъ дойти люди съ черствымъ сердцемъ, да намѣренно или ненамѣренно приписалъ эти черты благочиннымъ. А что это такъ,—что авторъ писалъ на основаніи досужей фантазіи и преданій старины, видно изъ того, что онъ говоритъ о псаломщикахъ, ѣздившихъ съ благочинными за кучера, на счетъ же топки грубо я первый разъ слышу. Правда, было это, но было давно, во времена простоты нравовъ, когда сѣсть на козла псаломщикъ не посчиталъ бы для себя за стыдъ,—когда, какъ мой дѣдушка—священникъ говорилъ, будучи въ богословскомъ классѣ, ходили босикомъ и въ накидкахъ изъ простаго полотна, выкрашеннаго въ краску, полученную изъ сока ягодъ бузины. Что было-бы страннаго, если бы тогдашнему богослову предложить сѣсть на козла? Теперь же не то время, теперь говорятъ: „я царь“, „я богъ“, но только разница въ томъ, что у теперешняго царя и бога нѣтъ основной идеи, при свѣтѣ которой онъ могъ бы построить планъ своей жизни; а хотъ и строить, но что это за жизнь? А смерть и будущая жизнь ничего не говорятъ ему: въ смерти онъ видитъ прекращеніе всей своей „сверхчеловѣческой“ дѣятельности. То-ли дѣло нашъ идеаль, идеаль желающихъ быть вѣрующими въ Бога: тутъ, на землѣ, мы немножко поживемъ. Случится горе, горе стерпимъ, зная, что за терпѣніе дастъ Богъ спасеніе, счастье ли привалить, не дадимъ своему сердцу возгордиться, зная, что, яко цвѣтъ на травѣ, такъ и счастье на землѣ.

Но завѣтная наша цѣль быть со Христомъ. По мѣрѣ своихъ

силъ, падая и вставая, мы идемъ за нашимъ Великимъ Вождемъ и не опутать туманнымъ, хитросплетеннымъ совнѣ теперешнимъ ученіямъ ума, живущаго идеаломъ Св. Евангелія, гдѣ намъ указанъ истинный путь и конечная цѣль его. И что это завелось на свѣтѣ, что всѣ всѣмъ недовольны, никто не хочетъ быть подначальнымъ, всякій блюдетъ свою гордость, боится услужить другому, уронить яко-бы свое достоинство! Ап. Павелъ учить: „вся могу о укрѣпляющемъ мя Иисусѣ“. Значить, Св. Апостоль, вознося себя на высоту словами: вся могу, моментально опускается долу, прибавляя: „о укрѣпляющемъ мя Иисусѣ“. Сей же Иисусъ лентіемъ подпоясывался, ноги умывалъ, умывалъ Господь и Богъ и—кому? Въ томъ числѣ и своему предателю... Чего же мы такъ горды по отношенію другъ къ другу? Неужели честію другъ друга творя, нельзя и свое достоинство уберечь? А хотя бы пришлось и потерпѣть,—образъ данъ намъ и сему всѣми великими по духу людьми, а наипаче Господомъ, пришедшимъ да не послужать ему, но послужить другимъ. Наше время въ особенности требуетъ отъ насъ при твердости съ нашей стороны духа по отношенію къ вѣрѣ святой проповѣди кротости и любви, а не натравливанія, да еще на людей, иже хотя въ малой власти суть, — тѣмъ болѣе на лицъ духовнаго званія. На насъ и такъ предубѣжденно смотрять, какъ и Господь сказалъ ученикамъ своимъ, что въ мірѣ скорбни будете, но еще тяжелѣе скорбь будетъ, если увеличиваться будетъ своимъ братомъ, духовнымъ.

Священникъ П. Чаленко.

По поводу выхода изъ состава Кременчугскаго отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта члена Отдѣленія Николая Мойсеевича Самойленко-Спатаріева.

Помните-ли, читатель, тяжелые для нашей церковной школы годы, когда мы должны были «дѣломъ и правдою» отстаивать свою школу; убѣждать всѣхъ и всѣмъ доказывать «истину» ея существованія,—когда казалось, что кромѣ насъ, не покладая рукъ работающихъ въ ней даровымъ

трудомъ, никто или-мало кто—хотѣлъ признавать эту «истину»,—когда со скорбнымъ сердцемъ намъ приходилось весьма многихъ увѣрять въ непреложности словъ евангельскихъ: «и очи имуть, а не видятъ, и уши имуть, а не слышатъ» и сердце съ просвѣщеннымъ разумомъ имѣютъ, но не разумѣютъ...

Это—годы, именуемые газетною печатью и обществомъ годами «борьбы вѣдомствъ»—церковно-школьнаго и учреждений и лицъ, вѣдающихъ министерско-земской школой *). Напрасно, конечно, насъ священниковъ нѣкоторые признавали участниками этой пресловутой борьбы. Большинство изъ насъ съ одинаковымъ усердіемъ трудилось, какъ и теперь трудится, въ школахъ всѣхъ вѣдомствъ въ должности законоучителей; нѣкоторые принимали дѣятельное участіе въ открытіи и устройствѣ земскихъ училищъ.

Были, конечный, какъ въ законоучительской дѣятельности нѣкоторыхъ священниковъ, такъ равно и въ общей постановкѣ церковно-школьнаго дѣла тѣ или другіе недочеты, имѣвшіе (а, быть можетъ, и нынѣ имѣющіе) своимъ основаніемъ и оправданіемъ недостатокъ денежнаго обозначенія, а въ другихъ весьма рѣдкихъ, исключительныхъ случаяхъ, — быть можетъ, и недостатокъ энергіи и усердія школьныхъ приставниковъ. Но такъ или иначе все духовенство въ лицѣ своихъ школьныхъ труженниковъ было далеко отъ желанія поддерживать вышеотмѣченную «борьбу вѣдомствъ». Преуспѣвали въ ней «земцы», либеральная печать того времени, особенно такіе органы ея, какъ: „Вѣстникъ Европы“, „Недѣля“, Русскія вѣдомости“, а отчасти „Новое время“. Замѣтное участіе принимали въ этой борьбѣ нѣкоторые изъ г. г. земскихъ начальниковъ—этихъ непосредственныхъ и неусыпныхъ попечителей сельскихъ обывателей. Одни изъ нихъ при случаѣ любили умалить, свести, какъ говорятъ, „на нѣтъ“ добрые плоды церковно-школьнаго дѣла; другіе же не пропускали случая,—при явно выраженномъ прихожанами желаніи имѣть въ своемъ приходѣ, кромѣ земской, еще церковную школу,—ставить свое veto.

Мы, конечно, всѣ возмущались такимъ въ большинствѣ случаевъ предвзятымъ, несправедливымъ отношеніемъ къ

*) Разумѣемъ здѣсь время—съ 1890 года по 1903.

загнанной, унижаемой и никѣмъ не признаваемой нашей школѣ. Я, напр., долго не забуду нижеслѣдующаго (касающагося церк. школы) разговора съ однимъ изъ земскихъ начальниковъ П—скаго уѣзда, имѣвшаго мѣсто нѣсколько лѣтъ назадъ.

Мѣстное отдѣленіе назначило его предсѣдателемъ экзамен. комиссіи въ моей школѣ. Безрезультатно прождавъ этого экзаменатора до 17 Мая, ѣду въ городъ узнать, въ чемъ дѣло. Сказали, что г. земскаго начальника можно видѣть въ зданіи волостного правленія, гдѣ была его временная камера. Отправляюсь туда. Послѣ продолжительнаго утомившаго меня ожиданія, „доложили“, наконецъ. Выходить. Небрежно, полуоборотясь, здороваётся и „важнымъ“ высококомѣрнымъ тономъ спрашиваетъ: „что Вамъ угодно?“ „Угодно, говорю, чтобы Вы соблаговолили назначить день экзамена выпускнымъ ученикамъ моей школы въ с. С—вѣ“.

„Въ С—вѣ?“ переспросилъ онъ меня. Какая-же тамъ „у васъ школа—земская или церковная“?

— „Только—церковная“, отвѣчаю.

— „Тогда я, отецъ, не понимаю: какой-же экзаменъ можетъ быть въ церковной школѣ?.. Развѣ дьячки могутъ въ вашихъ церковныхъ школахъ готовить учениковъ къ экзамену?“.

Чувствую, что теряю спокойствіе и боюсь быть несдержаннымъ; скрѣпя сердце, однако, отвѣчаю: „Я также ничего не понимаю: Вы Отдѣленіемъ назначены экзаменаторомъ въ нашу школу; мы съ дѣтьми ежедневно ожидаемъ Васъ чуть не до вечера... Укажите, будьте добры, день, когда Вы можете пріѣхать къ намъ, такъ какъ трудно въ данное время удержать учениковъ въ школѣ; многіе изъ нихъ уже и теперь ушли и не будутъ въ этомъ году экзаменоваться“...

— „Хорошо... Въ слѣдующее воскресеніе я обѣщаль быть у А. Н. К. (сосѣдняго помѣщика); заѣду и къ Вамъ. А Вы, батюшка, при случаѣ скажите имѣ (т. е. членамъ Отдѣленія) на будущее время меня экзаменаторомъ въ церковныя школы не назначать“, покровительственнымъ тономъ закончилъ онъ бесѣду со мною; въ тонѣ этомъ слышалось какъ-бы нѣкое снисхожденіе, своего рода одолженіе съ его стороны на мою просьбу...

Такъ относились, такую своеобразную точку зрѣнія усво-

или на церковно-приходскую школу въ недавнее прошлое время лица, близко стоявшія къ деревнѣ и ея нуждамъ; лица — передовыя, представители интеллигентнаго общества; не всѣ, конечно,—но, за малыми исключеніями.

Въ переживаемые нами дни вышеуказанный взглядъ на церковныя школы, несправедливое, проникнутое явнымъ предубѣжденіемъ къ нимъ отношеніе со стороны свѣтскаго общества видимо потеряли свой рѣзкій характеръ. Событія и явленія послѣднихъ 3-хъ съ лишнимъ годовъ заставили печать и современное общество сосредоточить свое вниманіе на вопросахъ и интересахъ общественно-политической жизни. Посему въ настоящее время какое-бы то ни было отношеніе къ церковно-школьному дѣлу современниковъ,—какъ доброе, такъ и оппозиціонное—недружелюбное—проходитъ предъ нашими глазами какъ-бы не замѣченнымъ. Мало говоритъ объ этомъ, а не то прямо молчитъ о нихъ современная печать, ничего не слышно о семъ-же и въ живыхъ разговорахъ общества *). Правда, если молчать о фактахъ отрицательнаго отношенія къ нашей церк. школѣ, то объ этомъ и жалѣть не приходится. Въ то же время было-бы въ высшей степени несправедливо съ нашей стороны оказывать равнодушіе къ добрымъ дѣятелямъ школы, влагавшимъ въ школьное дѣло въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ свою душу и сердце.

Вотъ на сей разъ я и хотѣлъ-былъ познакомить читателей нашихъ „Епарх. вѣдом.“ съ плодотворной дѣятельностію одного изъ недавно выбывшихъ членовъ Кременчугскаго Отдѣленія Епарх. училищн. совѣта, бывшаго въ уѣздѣ участковымъ земскимъ начальникомъ, Николая Мойсеевича Самойленко-Спатаріева.

Долгъ и совѣсть cadaго—знающаго этого человѣка, внушаютъ намъ необинуясь утверждать: мало выходитъ теперь на жизненную арену такихъ рѣдкихъ личностей,

*) Въ началѣ 1906 года были, правда, толки о переходѣ всѣхъ церковн. школъ въ вѣдомство Министерств. Н. Пр. Но потомъ газеты перестали говорить объ этомъ. Нынѣ уже говорятъ о всеобщемъ образованіи (обученіи) въ Россіи; при осуществленіи сего послѣдняго, согласно предубѣжденіямъ М—ства Н. П. и Оберъ-Прокурора Св. Синода, *имѣются въ виду какъ* существующія, такъ и подлежащія открытію въ будущемъ наши церковно-приходскія школы, послѣднимъ суждено сыграть въ будущемъ видную роль.

какъ не—забвенный для Кременчугскаго уѣзда Николай Мойсеевичъ. Нынѣшнее бозвременье очень скупое на таковыхъ. Прежде всего это—человѣкъ долга, труда и дѣла. Самъ любить дѣло и трудъ и личность другого, даже самаго „маленькаго“ незамѣтнаго человѣка, всегда умѣетъ цѣнить и уважать за проявляемые имъ трудъ и энергію.

Достаточно было разъ видѣть Николая Мойсеевича и послушать его, чтобы онъ произвелъ на васъ сильное, неизгладимое впечатлѣніе.

Первый разъ я его видѣлъ на актѣ (31 Мая 1903 г.) Градижской второклассной школы. Скромнымъ, незамѣтнымъ на первыхъ порахъ показался онъ гостемъ школьнаго торжества. Но далѣе, послѣ произнесенія присутствовавшими на актѣ приличествующихъ дню (хотя по обычаю оффиціально сухихъ и безжизненныхъ) тостовъ заговорилъ и онъ. Проста и не цвѣтиста была эта рѣчь, но какъ она очаровывала насъ! Выражалось въ ней глубокое и основательное знаніе жизни и сердца человѣческаго... Говорить Николай Мойсеевичъ отрывистыми краткими фразами. Можно было однако, заключить по его рѣчи, какъ много онъ жилъ, не мало самъ испыталъ; какъ, далѣе, не похожъ онъ на обычный типъ земскаго начальника, какимъ мы привыкли представлять этотъ типъ по личнымъ ли своимъ наблюдениямъ или по изображенію его въ современномъ обществѣ и печати. Не похожъ не только на словахъ, а и на дѣлѣ. Онъ буквально болѣлъ скорбями сельскаго простака—мужичка и радовался его радостями.

За это всюду и всѣ воздавали Николаю Мойсееву неподдѣльными чувствами любви и уваженія.—Люди, подобные Николаю Мойсеевичу, въ данное время незамѣнимо—нужны на другихъ болѣе высшихъ, чѣмъ сравнительно скромная должность земскаго начальника, постахъ государственной службы. Еще въ концѣ прошлаго года начали ходить толки о назначеніи его Непремѣннымъ членомъ Полтавскаго Губернскаго Присутствія. Въ началѣ текущаго толки эти осуществились.

22-го Февраля с. г. Кременчугское отдѣленіе Епарх. училищн. Совѣта, имѣя въ виду лично видѣть на своемъ засѣданіи Ник. Мойс., хотѣло выразить ему свою глубокую благодарность за понесенные имъ, какъ дѣятельнымъ чле-

помъ онаго, труды и послѣ обычнаго засѣданія почтить его скромнымъ чествованіемъ. Къ сожалѣнію, присутствовать Миколаю Мойс. на засѣданіи не представилось возможности.

Вотъ какъ писалъ онъ объ этомъ нашему Предсѣдателю Отдѣленія о. Протоіерею А. Клепачевскому на приглашеніе послѣдняго принять участіе въ отдѣленскомъ засѣданіи 22-го февр.

„Многоуважаемый Отецъ Алексѣй! Я приношу сердечную благодарность Отдѣленію за то вниманіе его ко мнѣ, съ которымъ оно относится теперь и въ которомъ оно не отказывало мнѣ и прежде. При самомъ вступленіи моемъ въ вашъ тѣсный кружокъ работниковъ школьнаго дѣла я былъ встрѣченъ тепло и радушно, я былъ обласканъ, и съ тѣхъ поръ симпатіи мои клонились не—только къ самому дѣлу, но и къ дѣлателямъ его. Затѣмъ цѣлый рядъ лѣтъ общаго участія къ дѣлу сроднилъ насъ. Вѣдь я былъ членомъ Отдѣленія, когда въ обществѣ о приходской *школѣ отзывались не иначе, какъ съ насмѣшливой улыбкой*, на моихъ глазахъ росла эта школа на мѣдныя деньги и на золотую энергію блюстителей ея, пока наконецъ не завоевала себѣ заслуженный почетъ. При мнѣ то земское собраніе, которое сперва скептически относилось къ просвѣтительной дѣятельности духовенства, сознало свою ошибку и щедро рукою открыло кредитъ Отдѣленію на школьныя нужды. Какое ни было маленькое участіе мое въ вашемъ дѣлѣ, но я вмѣстѣ съ вами скорѣлъ его неудачами и радовался его радостями, мы жили одной жизнью, и думаю, вы повѣрите въ искренность моихъ словъ, если я скажу, что никогда не изгладится въ моемъ сердцѣ отрадное воспоминаніе о тѣхъ скромныхъ, невидныхъ людяхъ, труженникахъ народнаго образованія, среди которыхъ Богъ послалъ мнѣ провести видную долю моей жизни.

Но я усердно прошу извинить меня, если я не приѣду въ засѣданіе Отдѣленія 22 Февраля. Я здѣсь не только не гуляю, но я засталъ такую массу работы, что даже въ самой Полтавѣ не имѣю возможности удѣлить время для посѣщенія знакомыхъ, а о поѣздкахъ изъ Полтавы и думать нечего“.

Пріймите увѣреніе въ совершенномъ уваженіи искренно преданнаго Н. С.

Да, по—истинѣ, пезабвенна будетъ память о Николаѣ Мойсеевичѣ, какъ школьномъ дѣятелѣ въ Кременчугскомъ уѣздѣ. По дѣятельности его въ этомъ отношеніи можно заключить, какихъ благихъ и многополезныхъ результатовъ можно достигнуть въ томъ случаѣ, если передовые члены свѣтскаго интеллигентнаго общества въ своихъ трудахъ и заботахъ въ пользу просвѣщенія народа захотятъ пойти рука объ руку, будутъ дѣйствовать въ союзѣ съ Церковью.

Въ Никол. Мойсеев. мѣстное церковно-школьное начальство нашло въ своихъ благихъ стремленіяхъ въ пользу широкаго распространенія начальнаго образованія въ Кременчугск. уѣздѣ незамѣнимаго пособника, своимъ живымъ и сердечнымъ участіемъ и дѣятельнымъ и полезнымъ содѣйствіемъ помогшаго двинуть школьное образованіе въ уѣздѣ до возможно широкаго предѣла и при томъ такого, что, принимая во вниманіе значительное количество (86) земскихъ школъ, нашъ Кременчугскій уѣздъ въ недалекомъ будущемъ можетъ считаться близко подходящимъ къ идеалу „всеобщаго образованія“. Къ вышеотмѣченному числу земскихъ школъ нужно прибавить 82-вѣ церковныхъ.—Во всѣхъ почти деревняхъ и даже—нѣкоторыхъ многолюдныхъ хуторахъ функционируютъ школы грамоты, достаточно субсидируемыя земствомъ.

Благодаря своевременному ходатайству высокочтимаго о. Уѣзднаго Кременчугскаго Наблюдателя, съ искреннею любовью отдающаго школьному дѣлу свой многолѣтній опытъ, силы и здоровье, очередное земскаго собраніе—созыва 1903 года, при теплой поддержкѣ такихъ гласныхъ, какъ Николай Мойс. и другіе помѣщики уѣзда, ассигновало на церковныя школы грамоты 3810 р.

Такая щедрая субсидія съ прибавленіемъ къ ней исправно поступающихъ мѣстныхъ источниковъ (по 30 рублей отъ общества) дала возможность обставить школы грамоты въ уѣздѣ весьма удовлетворительно не съ матеріально-хозяйственной стороны только, но и учебной. Назначаемые въ эти школы учителя (преимущественно изъ успѣшно скончившихъ Градижскую второклассную школу), получая сравнительно достаточное (120 руб.) желованье, трудятся съ добрымъ усердіемъ и благими результатами; въ текущемъ, напр., учебномъ году школы грамоты, за немногими исключеніями, даютъ значительные выпуски.

Въ заключеніе считаемъ не лишнимъ подлинно привести текстъ адреса Кременчутскаго уѣзднаго отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта бывшему члену его, Николаю Мойсеевичу Самойленко-Спатаріеву, по случаю выбытія его изъ состава Отдѣленія, за назначеніемъ Непремѣннымъ членомъ Полтавскаго губернскаго Присутствія.

Высокочтимый Николай Мойсеевичъ! Съ чувствомъ глубокаго сожалѣнія мы приняли вѣсть о Вашемъ выходѣ изъ состава нашего Отдѣленія. Въ Вашемъ лицѣ Отдѣленіе потеряло просвѣщеннѣйшаго, дѣятельнѣйшаго и полезнѣйшаго своего сотрудника. Находясь въ этой должности болѣе пятнадцати лѣтъ, Вы, не смотря на свои многосложныя обязанности земскаго начальника, всегда были однимъ изъ самыхъ усердныхъ посѣтителей нашихъ засѣданій, принимали въ нихъ самое живое участіе и, какъ опытный администраторъ, выдающійся юристъ и глубокой знатокъ народа, своими мудрыми совѣтами и разъясненіями оказывали намъ незамѣнимую помощь въ правильномъ рѣшеніи особенно трудныхъ и запутанныхъ вопросовъ по разностороннимъ дѣламъ школьной жпзни. Какъ человекъ дѣла и труда, Вы никогда не отказывались по просьбѣ Отдѣленія даже и отъ такихъ трудовъ по школьнымъ дѣламъ, которые отнимали у Васъ цѣлые дни, какъ, напримѣръ, производство экзаменовъ въ нѣсколькихъ школахъ, участіе въ строительныхъ комиссіяхъ и т. п. Съ полною готовностію и живымъ интересомъ къ дѣлу Вы принимали на себя эти труды и выполняли ихъ въ высшей степени основательно и ревностно, не жалѣя ни времени, ни своего здоровья. Очевидно дѣло народнаго образованія было и есть близко и дорого Вашему сердцу и Вашему просвѣщенному уму. Эта живая любовь Ваша къ сему святому дѣлу, столь дорогому и всѣмъ намъ, тѣснѣйшимъ образомъ объединила насъ съ Вами и крѣпко привязала насъ къ Вамъ, такъ, что теперь разставаться намъ съ Вами весьма тяжело. Одно только облегчаетъ намъ эту тяжесть,—это отрадная увѣренность, что назначеніе Васъ на высшій постъ государственной службы произошло не безъ высшей воли Промысла Божія, видимо, благодѣющаго Вамъ, призвавшаго Васъ на высшее поприще дѣятельности, какъ одного изъ достойнѣйшихъ дѣятелей, въ какихъ такъ нуждается нынѣ наше Отечество, какъ человекъ, умудреннаго опытомъ долгой плодотворной

службы Государю и потому способнаго принести много пользы въ дѣлѣ благоустройства нашей общественной жизни.—Примите же, высокоуважаемый Николай Мойсеевичъ, отъ всѣхъ насъ, бывшихъ Вашихъ сотрудниковъ по Отдѣленію, а равно въ нашемъ лицѣ и отъ всѣхъ учащихъ и учащихся въ церковныхъ школахъ нашего уѣзда, искреннюю и глубочайшую благодарствъ за всѣ Ваши многолѣтніе и высокоцѣнные труды на пользу нашихъ школъ, за Ваше живое и благотворное участіе въ школьныхъ нашихъ дѣлахъ и за всегдашнее благороднѣйшее, сердечное отношеніе Ваше ко всѣмъ намъ. Да поможетъ Вамъ Господь съ честью и славою потрудиться на новой высшей должности и заслужить отъ Бога и Государя еще болѣе высокія милости и щедроты. (Слѣдуютъ подписи Предсѣдателя и Членовъ Отдѣленія).

Ушелъ незабвенный Николай Мойсеевичъ на другое высшее поприще службы, но онъ оставилъ намъ завѣтъ любить и беречь всегда дорогую для насъ церковную народную школу. Сколько позволяютъ наши силы, будемъ работать въ ней и для ней! Пожелаемъ церковно-приходской школѣ расти и крѣпнуть къ душевной пользѣ пасомыхъ нашихъ, къ вѣчному охраненію чистоты и святости народной вѣры—этой лучшей цѣлительницы всѣхъ общественныхъ недуговъ, къ торжеству и славѣ Церкви Православной!

Будемъ беречь свою церковную школу, всегда не забывать, что „се дніе грядуть, когда намъ самимъ необходимо будетъ отстаивать, защищать свое неотъемлемое право на воспитаніе дѣтей пасомыхъ нашихъ въ духѣ Вѣры Православной. Будемъ помнить также, что это право есть вмѣстѣ и то твердое положеніе или состояніе, откуда ярче и сильнѣе видны мы будемъ, какъ общественные и церковные дѣятели.

Священникъ *Меодій Варвинскій.*

„Да исправится“..

(Т р і о).

Это было давно и, конечно, не въ Полтавской епархіи, хотя и сосѣдней съ ней. Потому—не въ Полтавской, что тамъ гдѣ это было, „правлящимъ“ въ ту пору состоялъ Епископъ Іліодоръ.

Преосвященный Іліодоръ, какъ администраторъ, вообще былъ человѣкъ мягкой, доступный, но тонкій и дальновидный: отъ его наблюдательнаго глаза, кажется, ничто нигдѣ и никогда не ускользало. Разъ онъ увидитъ человѣка, бросить на него, какъ-будто, мимолетный взглядъ, но всего насквозь пронизаетъ и затѣмъ уже составляетъ о немъ то или иное мнѣніе—и большею частью безошибочное. И тутъ уже никто его не разубѣдитъ. По этому случаю, въ епархіи даже сложились про него такіе стихи:

Нашъ Владыка и не гордъ,
 Но во взглядахъ очень твердъ:
 Что хоть разъ онъ самъ узритъ—
 Не трудись разубѣдить:
 Ни кафедральный,
 Епархіальный,
 Соборный будешь ты ключарь,
 Иль даже личный секретарь...

И, именно, потому его трудно было разубѣдить, что и „разубѣждающаго“ онъ насквозь пронизывалъ своимъ острымъ взглядомъ и сразу видѣлъ, что хотя тотъ и „разубѣждаетъ“, но онъ и самъ, такъ сказать, не убѣжденъ въ своемъ „разубѣжденіи“.

Обладая этими рѣдкими качествами, Преосвященный Іліодоръ былъ и большой психологъ. Поэтому, у него былъ и особенный пріемъ „воздѣйствія“ на паству. Онъ, напр., рѣдко наказывалъ виновныхъ, а чаще всего давалъ имъ „наглядные“ уроки, при чемъ темой для такихъ уроковъ умѣлъ выбирать самыя „чувствительныя“ мѣста каждаго. И урски эти вполнѣ достигали своей цѣли: они доводили виновныхъ не только до полного раскаянія, но часто и до искреннихъ слезъ. Само собою, уроки эти были весьма вразумительны и для прочихъ.

Особенные же тактъ и дальновидность выказывалъ Преосвященный Иліодоръ по отношенію къ ссорящимся...

Укажу два факта.

Въ селѣ Бабье-Царство священникъ и діаконъ были въ вѣчной враждѣ и, можетъ быть, потому, что жили по сосѣдству, — въ церковныхъ усадьбахъ, отдѣленныхъ одна отъ другой лишь низенькимъ и дырявымъ плетнемъ. Начало ссоры, какъ это часто бываетъ, положили собственно жена священника съ діаконицей. А что имъ весьма легко и даже очень удобно вообще ссориться, то это можно видѣть изъ ихъ, хотя бы самыхъ краткихъ характеристикъ.

Жена священника, Клавдія Викторовна, дочь уѣзднаго протоіерея, окончила всѣ восемь классовъ гимназіи и, конечно, играетъ „на фортепіанахъ“ и читаетъ книжки. Вообще это матушка образованная, что, однако, не мѣшало ей воздавать должное и своей наружности: уже отъ нѣжныхъ ласкъ майскаго солнца она тщательно прячется подъ шелковый зонтикъ, а на руки одѣваетъ фильдековыя перчатки. Хозяйства и особенно кухни она старается всячески избѣгать, чтобы, какъ она сама выражалась, „не пахнуть саломъ“. На всѣхъ, чей отецъ ниже уѣзднаго протоіерея и кто не кончилъ всѣхъ восьми классовъ гимназіи, она смотрѣла съ высоты птичьяго полета. Хотя, впрочемъ, къ „щедрымъ“ прихожанамъ и прихожанкамъ снисходила до того уровня, что однимъ позволяла къ рукѣ „приложиться“, а другимъ — даже и пожать ее, и въ этомъ случаѣ обыкновенно прибавляла „неотесаннымъ“ мужчинамъ: только, пожалуйста, — полегче!“ Дома съ прислугой обращалась чисто по демократически: была съ ней мягка, позволяла садиться при себѣ и даже съ ней фамиллярничала. Также весьма любила не только готовое слушать, но и спрашивать и не только у своей, но и у чужой прислуги, — у кого что было сегодня на обѣдъ и что будетъ завтра, часто ли ссорится сосѣдъ съ сосѣдкой и кто первый проситъ прощенья, къ кому кто пріѣхалъ и отъ кого кто уѣхалъ и т. п. Но особенный демократизмъ обнаруживала Клавдія Викторовна по отношенію къ разсылному о. благочиннаго, Охрѣму, Она усаживала его въ прихожей, за особымъ столомъ, щедро кормила и поила его „съ дороги“. Поднося „одну“, она обыкновенно справлялась у разсылнаго о. здоровья о. благочин-

наго и матушки благочинной, потомъ, замѣтивши, что „по первой не закусываютъ“, подносила „другую“ и затѣмъ начинала интервьюировать его: кто чаще бываетъ у о. благочиннаго,—о. Иванъ или о. Степанъ и какъ онъ принимаетъ того и другого; въ духѣ ли бываетъ, отсылая какую нибудь бумагу въ Бабье-Царство или получая отвѣтъ изъ Бабьяго-Царства и каждый ли разъ справляется о нашемъ здоровьѣ; гнѣвается-ли, возвращаясь съ ревизіи церкви Бабьяго-Царства, или пріѣзжаетъ довольнымъ, веселымъ и т. п. Въ заключеніе, поднеся разсылному еще одну „на потуху“, проситъ низенько кланяться о. благочинному и матушкѣ благочинной и затѣмъ „съ благодарностью“ отправляетъ его. На тотъ же случай, когда Клавдіи Викторовнѣ приходилось идти съ прислугой на улицѣ, она разъ навсегда дала ей приказъ—идти непременно сзади и не ближе трехъ шаговъ отъ нея, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда на встрѣчу идетъ пьяный или бѣжить собака, или такъ темно, что хоть глазъ выколи. Слово „матушка“ она вывела изъ употребленія, приказавъ замѣнять его словомъ „барыня“. Дѣтямъ велѣла называть ее не иначе, какъ „мама“, съ удареніемъ, конечно, на послѣднемъ „ма,“ и нѣсколько „въ носъ“. Вульгарныхъ именъ, кромѣ, разумѣется, благочинническаго Охрѣма, терпѣть не могла, такъ что Христину или Харитину она перекрещивала въ „Рину“ или „Тину“, изъ Февроньи умудрялась сдѣлать „Нерю“, изъ Улиты—„Лютю“ и даже такое неподатливое въ этомъ отношеніи имя, какъ Оекла, какимъ-то чудомъ превращала въ „Эку“. Такъ что, когда въ Бабье-Царство съѣзжались на храмъ батюшки съ матушками, то всѣ они удивлялись, гдѣ это берутся у Клавдіи Викторовны такія чудныя Рины, Тины, Нери, Люти, Эки... Была она необыкновенно самолюбива и не дай Богъ—задѣтъ ее самолюбіе, какъ „старшей“ по образованію, положенію и происхожденію, тогда она такой кровной обиды и въ вѣкъ не забудетъ.

Діаконица же, Мавра Харитоновна, дочь казака, забыла, гдѣ училась и, конечно, умѣетъ стряпать и чудно огурцы солить: сала совсѣмъ не боится, лишь бы только было. Отъ солнца, даже и іюльскаго, никогда не прячется, а на рукахъ, вмѣсто перчатокъ, вѣчно мозоли и трещины отъ загара и черной работы. Прикладываться „къ ручкѣ“, уже

по своему сану діаконицы, не позволяет, а жать руку—сколько угодно. Отъ вульгарныхъ именъ не красѣтъ, такъ какъ и сама „Мавра“: у нея Христина будетъ „Хрестя“, Харитина—тоже „Харытына“ (только по тверже), Февронья—„Хивря“, Улита—тоже „Улыта“ (только опять тверже), Ѳекла—„Вэкла“. Задѣтъ ея самолюбіе очень трудно, такъ какъ сама себѣ знаетъ цѣну да и сдачу дастъ... А вотъ, если посягнуть на ея „худобу“, ударить скотину или птицу, попортить огородъ—тогда будетъ задѣто все ея существо.

Священникъ и діаконъ, по свой натурѣ, совсѣмъ не предрасположены къ ссорѣ. Но бѣда та, что каждый изъ нихъ находится подъ башмакомъ у своей жены—съ тою лишь разницей, что священникъ собственно ютится подъ изящной туфелькой (два вершка длины) Клавдіи Викторовны, а діаконъ—„подъ опойковымъ черевыкомъ“ (полъ аршина длины) Мавры Харитоновны. И въ то время, какъ Клавдія Викторовна вліяла на своего мужа „обморокомъ“ и „мигренью“, Мавра Харитоновна такъ тупала ногой, что и „шаруны“ со стѣнъ летѣли.

Да, такъ ссора священника съ діакономъ началась ссорой священницы съ діаконицей—и вотъ по какому поводу.

Разъ священническому поросенку вздумалось забрести, по сосѣдству, да въ діаконскій картофель и похозяйничать тамъ, какъ у себя дома. Такая, выражаясь современнымъ языкомъ, экспроприація (въ ту пору этого слова и въ поминѣ не было) не ускользнула отъ зоркаго глаза діаконицы. Не долго думая, она схватила любимое ею орудіе, рогачь, и ну гнаться за поросенкомъ; но услужливый рябко облегчилъ ее: онъ самъ выгналъ поросенка изъ огорода и даже перекусилъ ему ногу, такъ что, возвратившись во свояси, тотъ сильно хромалъ. Игравшія во дворѣ дѣвги священника подняли гвалтъ, позвали „мама“ и рассказали ей, въ чемъ дѣло. Между тѣмъ, діаконица, съ громкой руганью по адресу сосѣдей, копалась въ огородѣ, исправляя тотъ изъяснъ, который причинилъ поросенокъ.

— Послушайте, Мавра Капитоновна, то—бишь Харитоновна, какъ вы смѣете бить и собакой травить моего поросенка?... Вы знаете—чей онъ! не кричала, а визжала съ

балкона жена священника, постоянно спутывая вульгарное „Харитоновна“ съ болѣе благороднымъ „Капитоновна“.

— Знаю... Уже-жь не чьй, якъ не свинячій! отпалила діаконица.—Та мини до цего дила нема, — нехай не лизе въ чужый огородъ.

Хотя священникъ и діаконь оба слышали перепалку своихъ прекрасныхъ половиць, но оба они „затаились“ тамъ гдѣ-то далеко, во внутреннихъ покояхъ, — священникъ, чтобъ не краснѣть въ глазахъ діаконицы за свою половину, которую онъ считалъ неправой въ данномъ случаѣ, а діаконь — опасаясь за послѣдствія отъ „смѣлыхъ“ разговоровъ Мавры Харитоновны.

Клавдія Викторовна, какъ окончившая всѣ восемь классовъ гимназіи, конечно, сразу поняла каламбуръ Мавры Харитоновны, хотя, быть можетъ, и случайный, — и сразу же полетѣла къ мужу.

— Что ты за священникъ, что за настоятель, наконецъ, что за мужъ, когда позволяешь какой-нибудь мужичкѣ, да еще своей подвѣдомой, называть твою жену свиньей! напала Клавдія Викторовна на мужа, берясь обѣими руками за виски, что означало скорое приближеніе „мигрени“.

— Какъ — свиньей?! немало удивился священникъ.

— Такъ... Я ее спрашиваю: вы знаете, чей это пороенокъ? А она мнѣ по мужицки: знаю — свинячій. А, понятно, какъ онъ мой, то, значить, я и свинья..

— Дурочка ты, Клава! А еще дочь протоіерея и кончила всѣ восемь классовъ гимназіи. — Конечно — свинячій, — рискнулъ вѣжливо замѣтить мужъ.

— Ты самъ дуракъ, хотя и кончилъ всѣ шесть классовъ семинаріи. — я не спрашивала ее, чей онъ сынъ, а кому онъ принадлежитъ.

— Опять же ты дурочка. Это ты понимаешь такія тонкости какъ дочь протоіерея и кончила всѣ восемь классовъ гимназіи, а она женщина простая и ничего не начинала...

— Такъ, значить, и ты на ея сторонѣ!... Нѣтъ, этого я не потерплю; я докажу, что я старше, а не она... Я ставлю того пентюха (пригодилось теперь и вульгарное слово!), что у нея подъ башмакомъ, сократить свою мужичку.

И тутъ не только „мигрень“ усилилась, но и „обморокъ“ появился.

Башмакъ „мужички“ невольно напомнилъ священнику и „туфельку“ его жены—и онъ слегка покраснѣлъ...

Клавдіи Викторовнѣ собственно и не жаль было своего поросенка, такъ какъ она даже въ первый разъ узнала о его существованіи. Въ данномъ случаѣ лишь сильно страдало ея самолюбіе: какъ, дескать, смѣла діаконская собака искушать священническаго поросенка! Наоборотъ, она считала бы въ порядкѣ вещей, еслибъ ея поросенокъ какъ-нибудь ухитрился искушать діаконскую собаку...

Во время такой сцены въ домѣ настоятеля, у діакона происходило тоже нѣчто подобное. Діаконъ, правда,—нерѣшительно убѣждалъ свою половину не зацѣпять настоятельницы, такъ какъ „они“ всегда будутъ правы, а „насъ“, чего добраго, и съ мѣста кишнуть.

— Дурный, а ще й дяконъ... Винъ тоби настоятель, а яка-жъ вона мини настоятельница!... Тьфу на неи!—не унималась діаконица.

— Гляды! только и могъ промолвить діаконъ на такіе доводы жены.

— Гляжу, гляжу... Нехай хоть и архіереѣске поросѣ вскоче въ огородъ,—такъ захвачу, то ажъ запыщятъ. Худоба не дурныцею достается, а потомъ и кровью, да оцмы, бачешъ-яки? и діаконица вытянула передъ діакономъ свои мозолистыя ладони.

Такимъ образомъ, основа для вражды между священникомъ и діакономъ положена самая прочная, а почва для этого самая благоприятная...

Священникъ, подъ сильнымъ давленіемъ образованной и нѣжной супруги, сперва началъ коситься на діакона, потомъ слегка „нажималъ“ на него и, наконецъ, прямо-таки сталъ притѣснять его. Діаконъ, подъ такимъ же давленіемъ своей грозной половины, сперва „почтительно“ возражалъ настоятелю, а потомъ началъ и перечить ему. Ну, конечно, и пошла писать парафія...

И дописалась!...

Дошло дѣло до консисторіи—одинъ разъ, другой, третій... Наконецъ, обратилъ вниманіе на ссору и самъ Владыка.

Ему стала извѣстна какъ причина ссоры, такъ и характеристика ея виновницъ. Желая положить конецъ ссорѣ, онъ вызвалъ къ себѣ священника и діакона вмѣстѣ.

Явились, — каждый, получивъ должную инструкцію отъ своей половины. Сидятъ въ архіерейской прихожей, косо поглядывая другъ на друга. Келейный позвалъ сперва священника. Входить и, на вопросъ Владыки, начинаетъ обвинять діакона въ томъ, чего даже и не было: онъ и непослушенъ, и даже дерзкій, и подрываетъ его авторитетъ, какъ священника, и неуживчивъ съ прихожанами. Владыка, по обыкновенію, терпѣливо выслушалъ его жалобу, пытливо всматриваясь въ глаза жалобщика, а затѣмъ отпустилъ его, приказавъ ожидать въ прихожей его распоряженія.

Килейный позвалъ діакона. Робко входитъ онъ въ приемную, дѣлая два шага впередъ и шагъ назадъ. Тоже изложилъ свою жалобу на священника — что онъ и помыкаетъ имъ, какъ пономаремъ, и доходами обижаетъ, и на требы не беретъ. Владыка и его выслушалъ, тоже пристально всматриваясь въ его глаза. Затѣмъ отпустилъ и его, приказавъ тоже ожидать въ прихожей.

Пока священникъ и діаконъ ожидали въ прихожей своей участи, томясь неизвѣстностью, Преосвященный ходилъ по залѣ, что-то соображая. При этомъ на его лицѣ иной разъ проскользала такая пріятная улыбка, что еслибъ ея видѣли сидящіе въ прихожей, то, навѣрное, вздохнули бы свободнѣе.

Наконецъ, келейный позвалъ обоихъ сразу. Священникъ, приглаживая голову и бороду и поправляя крестъ на груди, идетъ впереди, а діаконъ на почтительномъ разстояніи слѣдуетъ сзади. Въ такомъ же порядкѣ остановились они и въ приемной. Подходить къ нимъ Владыка и велитъ рядомъ стать; тогда діаконъ сталъ слѣва отъ своего настоятеля.

— Вотъ что, — началъ Владыка. — Я выслушалъ васъ обоихъ и вижу, что вы оба неправы. Неправы тѣмъ, что взводите другъ на друга разныя небылицы, а главную причину вашей ссоры и скрыли отъ меня: я знаю вашу исторію собаки съ поросенкомъ, которая и подала поводъ сначала поссориться вашимъ супругамъ, а потомъ и вамъ. Но вы на супругъ не слишкомъ взирайте: онѣ заняты мірскимъ, житейскимъ дѣломъ, а вы вмѣстѣ стоите у Престола Все-

вышняго, вмѣстѣ приносите Безкровную Жертву—и ссориться вамъ, а гдѣ ссора, тамъ и злоба, не подобаетъ. Такъ вотъ я требую, какъ Архіерей, чтобы больше не было между вами ссоры, чтобы о ней не только я не слышалъ и консисторія моя, но и ваши прихожане. А теперь, въ знакъ вашего полного примиренія другъ съ другомъ, предлагаю вамъ тутъ же облобызаться трижды.

И настоятель съ діакономъ поцѣловались.

Но это былъ особенный поцѣлуй. Онъ каждому доказывалъ, а прозорливому Владыкѣ въ особенности, что священникъ съ діакономъ, должно быть, никогда, даже и на пасху не цѣлуются...

— Теперь идите съ миромъ! напутствовалъ ихъ Владыка.—Если же еще разъ повторится между вами что-нибудь подобное, то я вызову и вашихъ женъ и заставлю ихъ примириться...

И пошли они, каждый, поникнувъ собственной головой.

— Вотъ такъ пропарилъ! дѣлился впечатлѣніемъ съ Клавдіей Викторовой ее мужъ, вернувшись домой. Сперва парилъ cadaго отдѣльно, потомъ обоихъ вмѣстѣ, а въ заключеніе велѣлъ еще и поцѣловаться съ діакономъ. Ну, я, конечно, еле прикоснулся, а діаконовъ презрительно-таки цмокнулъ меня.

— Такъ и должно быть,—съ особеннымъ удовольствіемъ одобрила Клавдія Викторовна своего мужа за такое сознание имъ собственнаго достоинства.

— И сказалъ,—продолжалъ онъ,—что если еще что-нибудь подобное случится, то вызоветъ и женъ для примиренія...

— Такъ это, думаешь, и меня заставитъ цѣловаться съ мужичкою! вскипѣла Клавдія Викторовна...—Нѣтъ, этого ужъ не будетъ; скорѣе пусть растригетъ меня, то-бишь тебя, а цѣловаться съ ней не стану.—Вотъ своего попка поцѣлую и безъ приказанія...

И Клавдія Викторовна нѣжно поцѣловала мужа въ лобъ, предварительно отбросивъ его волосы назадъ. Этотъ, можно сказать, вкрадчивый поцѣлуй, хотя безмолвно, выражалъ какъ-бы извиненіе жены передъ мужемъ за то, что своимъ надменнымъ характеромъ много причинила ему непріятностей. Такъ понялъ его и „попикъ“, такъ понялъ бы его и самъ прозорливый Владыка.

— А все черезъ васъ!... мучивъ—мучивъ, мучивъ—мучивъ,—жаловался и діаконъ своей женѣ по нее же. — Пылавъ—пылавъ и въ одиночку и вмѣстѣ, та ще заставивъ и поцѣловаться. А якъ будете ще, каже, грызтысь, то и жинокъ вызову и вже розмырю ихъ...

-- Нехай... равнодушно замѣтила Мавра Харитоновна. — Якъ заставе цилуваться, то и поцилуюсь... Съ такою красотою чого-жъ и не такъ, можно и трычи... Хиба тилько красоту на губахъ попорчу; ничего—другу наведе,—не преминула Мавра Харитоновна прибавить по адресу Клавдіи Викторовны, -- на счетъ ея вѣчно напомаженныхъ и влажныхъ губъ.

Однако, не только діаконица, но и священница немножко стали поосторожнѣе и уже меньше натравляли своихъ мужьевъ другъ противъ друга: „кряля“, видимо, боялась, чтобы, и въ самомъ дѣлѣ, не пришлось прикладываться къ губамъ „мужички“, а діаконица,—чтобъ не остаться съ семьей безъ куска хлѣба. А чтобъ изгладить изъ памяти, такъ сказать, и первопричину ссоры, жена священника велѣла къ Пасхѣ заколотъ хромого поросенка, а діаконица свою собаку взяла на цѣпъ.

И съ тѣхъ поръ о ссорѣ между священникомъ и діаконъ въ Бабьемъ-Царствѣ что-то не было слышно...

(Окончаніе слѣдуетъ).

Опечатки въ ст. „О необходимости измѣненія существующей системы взносов“ (№ 15):

1) стр. 729, строка 17 сверху, напечатано: *количественное* его состояніе, —а должно быть: *качественное* его состояніе.

2) стр. 730, строка 3 сверху,—напеч.: *ослабляющихъ*, — должно быть: *обусловливающихъ*.

3) стр. 731, строка 6 сверху,—напеч.: *22 пудовымъ*, должно быть: *200 пудовымъ*.

4) стр. 731, строка 11 снизу, напеч.: *вымучиванія*, должно быть: *вышучиванія*.

5) Та же стр., строка 12 снизу, послѣ слова „отчетующихся“ долженъ быть знакъ вопроса.

6) стр. 735, строка 2 сверху, послѣ слова —приписныя— должна быть запятая.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ИКОНОСТАСНАЯ, ХУДОЖЕСТВЕННО-ИКОНОПИСНАЯ И ПОЗОЛОТНАЯ
МАСТЕРСКАЯ

Архитектора ЯКОВА ВАСИЛЬЕВИЧА ПАУЧЕНКО.

Въ ЕЛИСАВЕТГРАДѢ Верхнедонская улица собствен. домъ.

Существуетъ съ 1861 года.

НА Г Р А Д Ы :

Отъ Московскаго художественнаго общества серебряная медаль.
 За выставку въ ЕлисаветградѢ серебряная медаль.

ИМПЕРАТОРСКАЯ выставка въ Ростовѣ н/Д 18 сентября 1906 г.
 золотая медаль.

Въ мастерской принимаются заказы на всѣ церковныя работы какъ-то: образа съ живописными, золочеными, цированными и чеканными фонами (кисти художниковъ и живописцевъ), украшеніе церквей священно-историческою живописью и орнаментами (стѣнная живопись). Устройство кіотовъ, футляровъ, рамъ, новыхъ иконостасовъ сплошь золоченыхъ, крашеныхъ масляными красками, съ золочеными колоннами и орнаментами, дубовыхъ рѣзныхъ (по проектамъ архитектора), перезолота старыхъ и реставрація старинныхъ иконостасовъ, а также принимаются работы по сооруженію новыхъ церквей, ремонту старыхъ, кирпичныхъ и деревянныхъ.

Всѣ работы производятся художественно, вполне согласно со стилемъ и устройствомъ, принятыми нашею православною церковью, подъ личнымъ наблюденіемъ архитектора Паученко. Вслѣдствіе постоянно большого числа заказовъ, я имѣю возможность изготовлять всѣ работы по выгодной цѣнѣ.

Лица, обращающіяся въ мастерскую съ запросами, немедленно получаютъ: цѣны, смѣты, рисунки и проекты. За принятіемъ заказовъ являюсь я самъ лично или присылаю довѣреннаго и совладѣльца своего А. П. Осмеркина.

Южный берегъ Крыма.

ПЕРВОКЛАССНЫЙ КУРОРТЪ

„СУУКЪ-СУ“

—>> ОТКРЫТЬ <<—

Курортъ устроенъ по образцу лучшихъ западно-европейскихъ отелей; комнаты отъ 1 р. до 15 руб. Пансионъ отъ 18 руб. до 65 р. Ресторанъ. Итальянскій оркестръ подъ управ. Палладино. Ванны морскія и прѣсныя. Чудное морское купанье. Обширный паркъ. Молочная ферма. Лечебный виноградъ. Удобное пароходное сообщеніе съ Ялтой. Все оборудовано согласно послѣдняго слова удобства и гигиены.

По требованію немедленно высылаются всѣ справки.

✂ ИКОНОСТАСНАЯ МАСТЕРСКАЯ ✂

Стефана Θεодоровича

ЕРМАКОВСКАГО

въ г. Черқассахъ, Кіевскоѣ губерніи.

Принимаетъ заказы новыхъ иконостасовъ, кіотовъ, церковныхъ и домашнихъ, ремонтировку старыхъ иконостасовъ, покраску и роспись церквей живописью и фресковыми орнаментами.

Всевозможная живопись и чеканка, а также картины масляными красками разныхъ сюжетовъ и малярныя домовыя работы.

Все вышешоименованное исполняю добросовѣстно, по умѣреннымъ цѣнамъ и выполняю въ срокъ.

Исполнялъ икономстасныя работы въ Полтавскомъ каедральномъ соборѣ.

За доброкачественность моихъ работъ имѣю много аттестатовъ.

Фирма существуетъ съ 1879-го года.

Отъ Совѣта Полтавскаго отдѣленія

ПОПЕЧИТЕЛЬСТВА

Императрицы МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ

О СЛѢПЫХЪ

объявляется, что въ Полтавскомъ училищѣ слѣпыхъ дѣвочекъ имѣется нѣсколько вакансій. Условія приѣма: полная слѣпота на оба глаза, возрастъ отъ 7 до 11 лѣтъ включительно и отсутствіе другихъ, кромѣ слѣпоты, физическихъ и умственныхъ недостатковъ. Прошенія подаются до 10 августа на имя Совѣта съ приложеніемъ метрической выписи о рожденіи и свидѣтельства мѣстнаго земскаго или другаго врача о полной слѣпотѣ на оба глаза и неимѣніи другихъ физическихъ и умственныхъ недостатковъ.

Въ г. Полтавѣ съ 1 Сентября 1907 года открывается частное женское училище перваго разряда по программѣ гимназій М. Нар. Пр. съ дополнительными профессиональными курсами Меланіи Петровны Сивицкой (Никитиной).

Приемныя испытанія 20 Августа, съ осени открываются подготовительный, I, II, и III классы.

Справки о приѣмѣ прошеній: Полтава, Петровская площадь, д. Кривинской № 6, съ 1 Юня въ помѣщеніи училища: Александровская улица, д. Д. М. Зеленскаго возлѣ Собора.

Плата: въ пригот. кл. 50 р. I, II и III 60 руб. въ годъ.

СОДЕРЖАНІЕ. I.—Слово въ день св. Николая. II.—Истинная соборность церкви и приходская автономія. III.—Впечатлѣнія послѣ прочтенія „Замѣтки“ въ Епарх. Вѣд. № 13-й. IV.—По поводу выхода изъ состава Кременчугскаго отдѣленія Епархіальнаго училищнаго Совѣта члена Отдѣленія Николая Мойсеевича Самойленко-Спатаріева. V.—„Да исправится“... VI.—Опечатки. VII.—Объявленія.

Редакторы, преподаватели семинаріи | *В. Терлецкій.*
 | *В. Конопатовъ*

Печат. съ разр. мѣстн. дух. цензуры. 10 Юня 1907 г.

Полтава, Типогр. Торговаго Дома И. Фришбергъ и С. Зороховичъ.

